

ИМПРОВИЗАЦИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИКА

(на материале устных и письменных текстов губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева)

А. В. Чепкасов

IMPROVISATION IN THE POLITICIAN'S SPEECH

(as revealed in A. G. Tuleev's oral and written texts)

A. V. Chepkasov

В статье рассматриваются особенности вербальной импровизации в выступлениях политиков. Дается сопоставительный анализ написанных первичных текстов выступлений и текстов, произнесенных губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым. Выявлены основные виды речевых отступлений от исходных письменных текстов в условиях устного политического дискурса.

The article is devoted to the specifics of verbal improvisation in politicians' speeches. A comparative analysis of the written primary speech texts and of those presented by A. G. Tuleev – the Governor of the Kemerovo region – is provided. The main types of speech aberration from the initial written texts in the oral political discourse are revealed.

Ключевые слова: вербальная импровизация, политический дискурс, спичрайтинг, письменная и устная речь, текст.

Keywords: verbal improvisation, political discourse, speechwriting, oral and written speech, text.

Публичная речь или выступление политика независимо от жанра, функции и задач, – это практически всегда вторичная речь, в основе которой находится письменный текст, предназначенный для устного произнесения. Причем чаще всего это текст, написанный не самим политиком, а спичрайтером или даже командой спичрайтеров.

Вот почему так часто дискуссионным представляется вопрос «авторства» текста публичного выступления политика. Так, например, А. Д. Кривоносов определяет спичрайтерский текст как текст, «обладающий мнимым авторством» [2, с. 13]. Действительно, спичрайтер, а чаще это группа, команда людей, фактически оказываются в тени, они как бы и не являются авторами данного текста. Они не участвуют в акте коммуникации, они «невидимы», «не маркированы», их, собственно, никто и не знает как авторов текста. Между тем именно политик произносит текст перед аудиторией. Нам представляется, что в данном случае возможно говорить о ситуации со-авторства, со-творчества [5, с. 34 – 41].

Написанный спичрайтером текст – это та канва, которая находится в основе произносимой речи, она направляет мысль, но никак не является застывшей формой, которую политик принимает как единственно данную.

Произносимый политиком текст как бы заново рождается, и в процессе этого рождения говорящий проявляется как личность: язык дает возможность человеку выразить самого себя и одновременно открывает эту личность для других, независимо от ее воли и желания. Текст как феномен культуры позволяет осуществить его творческое осмысление как на когнитивном, так и на коммуникативно-эмоциональном уровне.

Другими словами, политик в момент произнесения речи рождает новый текст, неизбежно изменяя подготовленный спичрайтерами и прошедший все стадии согласования написанный текст. В этом смысле становится важным понятие импровизации как

создания произведения непосредственно в процессе его исполнения.

В современных исследованиях и пособиях по спичрайтингу в качестве жесткого требования к выступлению политика выдвигается необходимость тщательной его подготовки, в том числе обязательного наличия написанного текста и его неоднократной «начитки». Исходя из степени подготовленности выступления, выделяют речь подготовленную, частично подготовленную и неподготовленную [2, с. 38]. Кривоносов называет оптимальным для устного публичного выступления политика речь частично подготовленную, когда «говорящий владеет материалом, а форма его исполнения будет зависеть от конкретных условий произнесения» [2, с. 39]. В целом такой же подход разделяют и практики спичрайтинга. Так, например, в книге спичрайтеров Б. Н. Ельцина отмечены возможные варианты выступления политика. Так, «оратор может выступать:

- строго следуя готовому тексту или отрываясь от написанного, по ходу что-то кратко добавляя от себя;

- имея перед собой тезисы или справочные материалы и время от времени обращаясь к ним;

- без письменных материалов в руках, полагаясь на собственную память или эрудицию» [1, с. 39 – 40].

В любом случае, в политическом публичном дискурсе мы имеем дело, как правило, с устной формой речи, в которой потенциально заложена возможность импровизации.

В отличие от письменной речи, которая строится в соответствии с логическим движением мысли, устная речь разворачивается посредством ассоциаций. Подготовленная устная речь отличается продуманностью, более четкой структурной организацией, но при этом говорящий, как правило, стремится, чтобы его речь была непринужденной, не «заученной», походила на непосредственное общение, что является одним из важнейших признаков ораторского мастерства. В разговорной речи всегда присутствует личностное начало с целью усиления воздействия на слушающих. Поэтому в устной речи используется эмоционально и

экспрессивно окрашенная лексика, применяются об-разные сравнительные конструкции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, при необходимости – сленг и просторечные элементы.

Текст, в принципе, не создается одним человеком (даже когда пишет текст один человек, он оказывается связанным с другими текстами); более того, нет текста без того, к кому он адресован, текст запро-граммирован на взаимодействие Я и другого (не-Я) таким образом, чтобы Я и не-Я объединились в МЫ. Всякое воплощение замысла всегда есть его уточне-ние, а в большинстве случаев и его изменение» [3, с. 116]. Следовательно, политик в устном выступле-нии как бы совмещает смыслы, имеющиеся в тексте спичрайтера со своими. Происходит, по выражению Б. В. Томашевского, «миграция замысла». Освоение спичрайтерского текста на уровне сознания обуслов-ливает переконструирование первичного текста.

Текст (художественный, публицистический и др.) всегда ориентирован на адресанта с целью внушить заложенную в нем идею, убедить в ее правильности и необходимости, воздействовать на слушающего или читающего посредством слова. В тексте, особенно политическом, всегда есть направленность на адре-санта. Спичрайтер при написании текста всегда учи-тывает, кто будет читать текст и для кого он будет произноситься. В этом случае адресант (для кого пи-шется текст) одновременно выступает и как адресат (на стадии произнесения текста) [6, с. 230 – 237]. «Я» реализуется тогда, когда текст произносится для дру-гого. Произнося текст, политик как бы объединяет в нем себя с теми, на кого текст ориентирован. И этот текст всегда диалектичен, всегда видоизменяется, да-же если он заучен наизусть.

В настоящей статье мы сделали попытку просле-дить механизмы переконструирования текста, напи-санного спичрайтером, часто детально обсужденного и все-таки в ситуации его произнесения творчески пе-реработанного. Данный процесс может быть обуслов-лен ситуацией, в которой он произносится, функцией и жанром речи, спецификой аудитории. Процесс от-ступления от первичного и уже накануне прочитанно-го текста можно обозначить как *вербальная импрови-*

зация, проявляющая особенности ментально-эмоционального склада спикера.

В результате сопоставительного анализа написан-ного и произнесенного текстов нам представляется интересным выделить основные виды вербальных импровизаций губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева, наиболее частотные типы отступлений от первичного текста и значение этих импровизаций.

Сразу отметим, что А. Г. Тулеев практически все-гда использует написанный текст как основу своего устного выступления. При этом он постоянно делает отступления от написанного текста. В зависимости от жанра выступления, текст, который рождается при произнесении, может быть близким к первичному тексту, либо отходить от него на большое расстояние.

Так, при анализе речи губернатора на селектор-ном совещании с главами городов и районов, руково-дителями различных ведомств, посвященном лесным пожарам в России и в Кузбассе, мы отмечаем очень высокую степень импровизационности вторичного текста. Очевидно, это связано и с жанром речи – кри-тически-аналитический разбор ситуации и постановка задач, и с атмосферой совещания – это откровенный разговор с подчиненными и коллегами, и с целью вы-ступления – «разбор полетов» и «производственная накачка». Задача губернатора в данном случае – дове-сти значимость проблемы до каждого, убедить, рас-толковать и заставить принимать решения. Глубокое знание темы и аудитории позволяет А. Г. Тулееву практически «без бумажки» вести диалог, используя различные способы отступлений от подготовленного текста.

Наиболее частотный случай вербальной импрови-зации в анализируемой речи губернатора – это *по-втор* отдельных слов и словосочетаний. Повтор дела-ет речь диалогичной [4], так как, по образному выра-жению Н. Д. Арутюновой, оратор использует наряду с написанным спичрайтером материалом «собственное коммуникативное жало» с тем, чтобы адресат эмо-ционально отреагировал, проявил заинтересован-ность.

Ниже приведено несколько примеров таких по-второв и краткое их объяснение.

Таблица 1

<i>Написанный текст</i>	<i>Произнесенный текст</i>	<i>Вид и значение импровизации</i>
Ущерб от лесных пожа-ров, по самым скром-ным оценкам экологов, превысит 50 миллиар-дов рублей	И вот <i>предварительный, предва-рительный</i> только ущерб от лес-ных пожаров по всей России по самым скромным подсчетам эколо-гов, превысит 31 миллиард руб-лей. <i>Предварительный...</i>	Добавление трехкратного повтора слова <i>предвари-тельный</i> . Усиление масштаба проблемы за счет отсут-ствия точных и достоверных данных. Скрытая вероят-ность увеличения объемов ущерба. В каждом употреб-лении повтор выполняет специфическую функцию. В первом – в сочетании с <i>вот</i> –информативную; во втором – в сочетании с частицей <i>только</i> – уточняющую; в третьем – с паузой – как бы подведение итогов выше-сказанного и незаконченность мысли, что заставляет за-думаться об истинных масштабах пожаров.
В том числе 105 распо-ложены прямо в лесу, в тайге.	Из этих 226-ти 105 – <i>прямо в тайге, прямо в тайге, прямо в лесу, прямо в тайге.</i>	Усиление экспрессии через повтор наречия <i>прямо</i> .

<i>Написанный текст</i>	<i>Произнесенный текст</i>	<i>Вид и значение импровизации</i>
_____	Это только <i>по официальным</i> данным. <i>По официальным</i> . Посмотрите, какие потери понесла страна, <i>сколько потеряли</i> людей, <i>сколько потеряли</i> деревень, <i>какой моральный ущерб</i> и <i>какой ущерб</i> здоровью нации.	Данного фрагмента нет в первоначальном тексте. Эмоциональный разворот с участием повторов фрейма, проявляющего результаты пожаров. Повторы указывают на источник информации (по официальным данным – повторное употребление создает эффект БОльших потерь) и на масштаб урона: сколько потеряли (людей, деревень); какой ущерб (моральный, здоровью нации).
И если придет пожарная машина, то воды набрать практически невозможно.	<i>Ну проехал, дальше-то что? Чем тушит- то? Слюной что ли?</i>	Усиление через повтор риторических вопросов с использованием коллоквиализмов. Риторические вопросы, проявляющие безысходность. Коллоквиальное образное сравнение.

Одним из частых случаев отступления от первичного текста становятся вкрапления в речь губернатора эмоционально и экспрессивно окрашенных слов, выражений, зачастую носящих разговорный, просторечный характер. Очевидно, что такие вставки обусловлены необходимостью более сильного эмоционального воздействия на аудиторию, придание дополнительной экспрессии. Вот только несколько примеров.

Ярким проявлением языковой личности губернатора можно считать его отступления, связанные с историческими аналогиями или личным жизненным опытом, которые также эмоционально усиливают аргументацию, делают текст личностно окрашенным, а главное, придают убедительность, правдивость и достоверность сказанному. Кроме того, в анализируемой речи мы встретили импровизации следующих видов:

– активизация и привлечение внимания аудитории: «*Теперь смотрите*: смертность только в Москве...» вместо «Смертность только в Москве...»;

– замена и использование более сильного определения: «Я считаю, *основная* вина лежит на руководителях» вместо «*Большая* доля вины лежит и на руководителях»;

– усиление аргументации через отсылку к общепринятым ценностям: «Если *Господь* разрешил тебе руководить, все равно ты должен думать, какая бы ситуация не была» или «Одно дело, когда нерешаемо. А то ведь *Божий суд* есть»;

– усиление аргументации через использование юмора: «Там нога человека не ступала, там только этот *снежный парень твой бродит*»;

– персональное обращение к ответственному лицу (на «ты»), апелляция к его личным и профессиональным качествам: «Яшкинский район (Мамонтов). *Александр Владимирович! Ну ты ведь инженер по образованию! У тебя* 65 водонапорных башен. <...> Но у *тебя* в 34 башнях не смогут пожарные машины набрать воду».

Таблица 2

<i>Написанный текст</i>	<i>Произнесенный текст</i>	<i>Вид и значение импровизации</i>
Считаю, что нельзя все списывать только на жару, хотя она действительно аномальная. <...> Убеждён, одной из главных причин пожаров является человеческий фактор...	Ну, с нашей стороны было бы <i>идиотизмом</i> просто говорить: аномалия и все. <i>Ну и что, что жара? Главное</i> ведь не в ней. <i>Главное</i> все равно в людях.	Использование эмоционально-окрашенной лексики (идиотизм). Использование риторического вопроса. Лексический повтор. Частица НУ, являясь разговорно-просторечной, выстраивает доверительное отношение с аудиторией, что корректируется словосочетанием <i>с нашей стороны</i> (то есть со стороны всех, находящихся в аудитории, включая губернатора), что и позволяет оратору употребить экспрессивно-ругательное слово <i>идиотизм</i> . Далее употребление частицы НУ в вопросительной форме звучит как обвинение в бездеятельности. Выявление главного фактора причины пожара. Употребление кратких, по сравнению с письменной речью, разговорных синтаксических конструкций.
Кто-то поджег траву, кто-то бросил окурки, кто-то не затушил костер... А результат один – пожар.	<i>Ну, а дальше как обычно</i> : кто-то поджег траву, кто-то бросил окурки, кто-то не затушил костер... <i>Глава видит – мер не принимает. Народ пьет. Деревня гуляет. И пошло, и поехало.</i>	Использование экспрессивных выражений, разговорного стиля. Преамбула <i>Ну, а дальше как обычно</i> к описанию действий, приводящих к пожару, уже подготовила к тому, что у слушателей в голове прокрутились причины пожара, поэтому следующие словосочетания они воспринимают как собственные. Такой развертки событий нет в тексте-основе, но в устной речи они значимы. Нарисована картина, характерная для русской ментальности. И не надо называть слова «пожар».

<i>Написанный текст</i>	<i>Произнесенный текст</i>	<i>Вид и значение импровизации</i>
А многие просто не выполняли предписаний, телеграмм, которые вам направлялись	Сколько телеграмм мы послали. Что только не послали? Уже пишешь, вот, если телеграмма, мы, вот я ее стараюсь сделать настолько <i>балалаечным языком</i> , чтобы <i>с тремя извилинами</i> было понятно, что от тебя нужно.	Использование эмоционально и экспрессивно окрашенной сниженной просторечной лексики. Фразеологизм <i>писать балалаечным языком</i> , чтобы понятно было каждому, даже тому, у кого <i>все три извилины</i> .
У нас в Кузбассе, слава Богу, такого пекла нет.	Если посмотреть у нас, нам <i>молиться надо по три раза в день</i> , у нас такого пекла нет.	Усиление через использование устойчивого разговорного выражения.
	Всем <i>по барабану</i> , все считают, <i>что их пронесет</i> .	Использование экспрессивной окрашенной разговорной лексики.
	Дай трактористу деньги, покорми его и <i>пусть пойдёт до посинения</i> . <...> <i>Горюководители</i> и все.	Использование стилистически окрашенной лексики и просторечных устойчивых выражений.
	Их надо учить, обучить, <i>что ЖИ ШИ пиши через И</i> .	Использование устойчивого разговорного выражения в ироническом аспекте.
И вот сидят сейчас с Ходорковским, рукавицы шьют.	Все твои коллеги сидят рядом с Ходорковским и шьют варежки. <...> <i>От сумы и от тюрьмы никто не уберёгся</i> .	Использование трансформированного прецедентного выражения для эмоционального усиления аргументации.
	Бесконечные садовые товарищества. Там вообще <i>конь не валялся</i> .	Использование просторечного эмоционально окрашенного выражения.
В некоторых районах не проведена опашка территорий вокруг населённых пунктов, чтобы огонь не мог перекинуться на жилые дома.	Теперь вы знаете, самое действенное, это еще <i>Киевская Русь была</i> , ничего больше не придумаете, самое эффективное, <i>и я служил в саперных войсках в Забайкалье</i> , это одно – опашка территорий. Опашка – это самое действенное.	Прием исторической аналогии и апелляция к собственному опыту.
В большинстве территорий у нас фактически отсутствуют добровольные пожарные команды. То есть они имеются, но только на бумаге.	В большинстве территорий числятся пожарные дружины, но они не работают. <i>Я еще помню социализм. Там действительно не до конца была система продумана, но я помню пацаном, что мне давали три дня к отпуску. Я, правда, не тушил, честно это говорю, но мне давали эти три дня, потому что я записался, я член этой пожарной дружины</i> .	Прием исторической аналогии, плюс апелляция к собственному опыту.

Еще раз повторим, что в данном случае высокая степень импровизации губернатора, его «свободное» обращение с исходным текстом связано с особенностями коммуникативной ситуации, характером аудитории и целями выступления.

Для сравнения возьмем текст другого выступления губернатора – приветственного слова на открытии областного форума «Кузбасс спортивный». Характер этого мероприятия совсем иной – это широко публичное событие, с участием большого количества почетных гостей и жителей Кузбасса, транслируемое по областным и российским телеканалам. Жанр выступления губернатора в данном случае – ритуально-торжественная речь. Импровизации политика минимальны, но при этом очень точно соответствуют задаче выступления и атмосфере праздника. Функцию импровизаций А. Г. Тулеева в этом случае мы могли бы определить как консолидирующую, объединяющую, интегративную. В этот момент губернатор выступает как гостеприимный хозяин благополучного региона, где есть социальная стабильность, единство и сплоченность людей. Отсюда в отступлениях от написанного чаще всего используется объединительная лексика: мы, вместе, сообща и т. д.

<i>Написанный текст</i>	<i>Произнесенный текст</i>
Сегодня мы даем старт.	Сегодня <i>вместе с вами</i> даем старт.
Можно сказать, закладываем новую традицию в жизни области.	Можно сказать, <i>мы совместно</i> закладываем еще одну новую традицию в жизни <i>нашей</i> области.
Я рад приветствовать наших почетных гостей.	И конечно, в первую очередь, <i>мы должны поприветствовать</i> наших почетных гостей.

В этом же тексте мы встречаем активизирующие внимание и побудительные дополнения в текст, которые делает губернатор.

Например: «**Дорогие друзья!** Сегодня на нашей встрече...» вместо «Сегодня на нашей встрече...»; «...и добился победы. **Давайте поздравим его!**» вместо «...и добился победы»; «**Посмотрите**, у нас в Таштаголе действует...» вместо «У нас в Горной Шории, в г. Таштаголе, действует...».

Но в целом импровизации в данном выступлении носят точечный характер, при этом неся высокую степень продуманности и соответствия задачам оратора.

В публичных выступлениях А. Г. Тулеева нередки случаи объемных импровизаций, значительных от-

ступлений от написанного текста. Чаще всего они связаны с темами, которыми губернатор владеет свободно и легко: прошлое и настоящее Кузбасса, развитие угольной, металлургической, химической промышленности и т. д. Эти импровизации всегда к месту и всегда по делу. Они никогда не бывают для «красного словца» и всегда несут определенный эмоциональный заряд, важный политический смысл.

Так, на открытии Бизнес-инкубатора в Кузбасском технопарке в апреле 2011 года А. Г. Тулеев начинает свое по сути информационное выступление с большого импровизационного пролога, которого нет в подготовленном тексте выступления. Он обращается напрямую к присутствующему на мероприятии министру связи и массовых коммуникаций И. О. Щеголеву. Причем это не просто этикетная форма обращения, хотя А. Г. Тулеев начинает с фразы «Рад Вас видеть, Игорь Олегович». Но далее губернатор делает отсылку к прошлому приезду министра, который состоялся 9 лет назад. Тулеев напоминает министру о его участии в заседании Госсовета РФ под председательством В. В. Путина, о принятой на том заседании Программе развития угольной промышленности до 2020 года, которая крайне значима для Кузбасса. И здесь же губернатор успевает кратко отчитаться перед министром, а косвенно перед Правительством России, о ходе выполнения этой Программы в Кемеровской области. Данное вступление к речи, на первый взгляд, напрямую не относится к теме выступления. Однако это только на первый взгляд. По сути, импровизация

Тулеева расширяет контекст одного локального мероприятия (открытие бизнес-инкубатора) до уровня реализации программы государственного масштаба.

Как следует из проведенного сопоставления первичного текста и текста, произнесенного в аудитории, – это два сопряженных между собой текста. Окончательный текст обладает более мощной суггестивной направленностью. Почти всегда отступления политика от написанного текста в виде повторов, риторических вопросов, апелляций к жизненному опыту, исторических аналогий, емких сравнений и метафор – это черты, в большей степени разговорной устной речи. Эти отступления всегда связаны с конкретной ситуацией произнесения, текущим моментом, состоянием аудитории и задачами коммуникации. Произнесенные с разной интонацией, характеризующие разные объекты одной ситуации, они обладают мощным импульсом воздействия на подсознание, порождая в мозгу слушающих образную картину события.

Вербальная импровизация помогает политику сделать свое выступление ярким, образным и индивидуальным.

Таким образом, эффективный текст публичного выступления политика – это не идеально написанный универсальный текст, отвечающий всем требованиям ораторского искусства, а произнесенный в конкретных коммуникативных условиях текст, который соответствует психологическому портрету политика, его индивидуальному имиджу, вербальным и невербальным особенностям личности.

Литература

1. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России / А. Ильин [и др.]. – М.: ИМА-пресс, 1999. – 144 с.
2. Кривоносов, А. Д. Основы спичрайтинга / А. Д. Кривоносов. – СПб., 2003. – 55 с.
3. Лихачев, Д. С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962.
4. Плотникова, А. В. Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Плотникова. – Саратов, 2004. – 203 с.
5. Чепкасов, А. В. Работа спичрайтера и политического деятеля над текстами публичных выступлений (к постановке проблемы) / А. В. Чепкасов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – № 11.
6. Чепкасов, А. В. Спичрайтинг как когнитивно-дискурсивный процесс / А. В. Чепкасов // Вестник Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 9.

Информация об авторе:

Чепкасов Артур Владимирович – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и журналистики КемГУ, 8 (3842) 582745, chepkasoff@yandex.ru.

Chepkasov Arthur Vladimirovich – Candidate of Philology, Dean of the Faculty of Philology and Journalism of KemsU.